

«...ПРОЩУПЫВАЙТЕ СЕРДЦЕМ СТИХИЮ МОЕГО СТИХА»: Вспоминая Виктора Алюшина

Проходя мимо родного педагогического (тогда – института, а теперь – университета), всегда ощущаю, как учащённо бьётся сердце. Здесь прошли замечательные студенческие годы, здесь работала несколько лет в библиотеке. Словом, частичка души навсегда осталась в этом красивейшем здании. Поэтому и свежий выпуск «Амура» всегда читаю с огромным интересом. Последний номер альманаха тоже порадовал: много материалов, посвящённых нашему земляку, известному поэту Леониду Завальнюку, а ещё подборка стихов амурского поэта Виктора Алюшина, ушедшего от нас в мае 2011 года, и материал Валерия Черкесова, посвящённый памяти Виктора Георгиевича. Прочитала, и столько воспоминаний нахлынуло! «Верховный», «наш Верховный» – так мы звали его в нашей редакции передачи «Солдат России» (в 70-х – «Солдатский час»). Это была передача-долгожитель на амурском радио, и больше тридцати лет редакцию возглавлял Виктор Алюшин.

А первая встреча с его творчеством состоялась ещё раньше, в конце 60-х, когда я, школьница, прочитала стихотворение «Полонез» – о чудесном творении композитора Огинского. Удивилась тогда: как этот неизвестный мне человек сумел проникнуть в душу, передать то, что в ней было где-то глубоко-глубоко. Потом на глаза попало стихотворение Алюшина «В летнем Благовещенске»:

Всё брожу, словно делать мне нечего,
Наблюдаю, немного смущён,
Как трепещет под пологом вечера
В разноцветных рекламках неон.
Улыбаются улицы молодо,
И в зелёном сиянии звёзд
На виду у прибрежного города
Пограничник уходит на пост.

И снова – в самое сердце: сколько раз потом мысленно повторяла я эти строчки, оказавшись в разлуке с городом. Запомнила фамилию автора и стала следить за его творчеством. А он очень часто радовал новыми стихами, благо поэтические подборки в местных газетах, в альманахе «Приамурье моё», журнале «Дальний Восток» публиковались тогда, в 60–80-е годы, часто, люди очень увлекались поэзией. Потом вышли два небольших сборника, наполненные пронзительными стихами.

А в конце 80-х судьба привела меня в областной телерадиокомитет (ныне ГТРК «Амур»), и однажды я услышала: «Вы – наша новая коллега? Будем знакомы, моя фамилия Алюшин». Я с любопытством взглянула на него: невысокий, худенький, в толпе на такого и внимания не обратишь. Неужели это им написаны стихи, так трогающие душу, неужели его голос звучит в радиопрограмме, которую всегда слушают не только военные и их семьи, но и буквально все амурчане?! Так состоялось знакомство, вскоре переросшее в дружбу, которая продолжалась до самой его кончины.

Алюшину нравились люди, неравнодушные к поэзии, и мы нередко делились впечатлениями о новых стихах, новых поэтических сборниках. Сколько имён он мне открыл, сколько замечательных произведений благодаря его советам прочитано! А уж когда и свои новые стихотворения стал показывать, вообще пришла в замешательство. Что могу сказать замечательному поэту я – обычная любительница лирики, каких много? Но, видимо, ему было важно мнение не только профессиональных поэтов, его друзей, но и простых читателей. И как же жалко, что при жизни Виктора Георгиевича вышли всего три его сборника, последний в 2000 году, к его шестидесятилетию. Увы, хлеб насущный стал в нашей жизни более важным, чем хлеб духовный...

Позднее Виктор Георгиевич доверил мне готовить «кадрики» в его радиопрограмму «Солдат России», а затем пригласил в качестве соведущей, и около пятнадцати лет мы вели эту передачу вместе с хорошо известным амурским радиослушателем диктором Юрием Урмановым. Сам Алюшин по-прежнему разъезжал по воинским частям и пограничным заставам, привозил интересные материалы, работал с внештатными корреспондентами. Он всегда старался помочь любому человеку, в ком замечал стремление к творческой работе, желание работать со словом, искренне радовался его удачам. К своим же стихам относился легко, мог подарить произведение любому, когда хотел поднять человеку настроение, подбодрить или утешить. Щедрой рукой он посвящал свои творения друзьям, коллегам, просто добрым людям, что отразилось в его последнем сборнике – там немало посвящений. Сборников у него могло быть больше, если бы умел Алюшин что-то «пробивать», «продавливать», «организовывать», разыскивать спонсоров. Но он пред-

почитал тратить силы и время на командировки, общение, любимую «тихую охоту» – азартнее его грибников, наверное, не было. Из всего этого и рождались стихи – проникновенные, лиричные, полные любви к родимой амурской земле:

По холмам шоссе летит кругами,

И бежит ему наискосок

Речка с золотыми берегами,

Где на солнце греется песок.

А в озёрах – блюдца белых лилий,

Как в доме на праздничном столе...

Без таких вот маленьких идиллий

Было б неуютно на земле.

И тут нельзя не сказать вот о чём. Валерий Черкейсов в своих заметках, посвящённых Виктору Алюшину, предполагает, что тот был знаком с выдающимся русским лириком Николаем Рубцовым. Предположение абсолютно верное, знаю это точно, поскольку Виктор Георгиевич делился воспоминаниями о годах учёбы в Литинституте и своём общении с Н.М. Рубцовым. Рубцов был старше его по возрасту, сам был из глубинки, поэтому всячески стремился опекать молодых, начинающих поэтов-«деревенщиков», в числе которых был и Алюшин. Виктор Георгиевич подчёркивал, говоря о Рубцове: «Знаком с ним по учёбе, во время сессий в Литинституте общались немало. Но называться его другом было бы самонадеянностью».

В областной детской библиотеке перед встречей с юными читателями. Конец 1990-х

Любя стихи Рубцова, я пристала к Алюшину с просьбой рассказать об этом радиослушателям, но он стоял на своём: «Получится, я себя рекламирую! Знаешь, терпеть не могу, когда после ухода великого человека вдруг появляется уйма “друзей”, знакомых чуть ли не с детства. Не хочу быть в их числе». Уговаривала целый год, убедил его, наконец, довод, что нельзя не поделиться с амурчанами рассказом о таких встречах, ведь Рубцов дорог многим. И вот в один из перерывов, отправив звукооператора на обед, мы забрлись в студию, Алюшин сам включил магнитофон с огромной бобиной плёнки, и потекла беседа. Виктор Георгиевич сам подготовил запись к эфиру, и она прошла в одном из выпусков «Полдня». Алюшин рассказывал о Рубцове интересно, с боль-

шой любовью. Вспомнил, например, такой эпизод. Дело было летом, во время сессии. Сдав очередной экзамен, студенты собрались возле Останкинского пруда, чтобы обменяться впечатлениями и выпить холодного пива. И вдруг по асфальту улицы Руставели зацокали копыта: трусила лошадка, впряжённая в телегу на резиновом ходу. Большинство из нас отнеслось к этому факту равнодушно, а Рубцов с печалью посмотрел вслед этому гужевому транспорту, заплакал и сказал: «Скоро и этого не увидим. Уходит русская деревня...»

Благоговея перед личностью Рубцова, восхищаясь его стихами, Виктор Георгиевич, вспоминая годы учёбы в Литературном институте, как-то сказал: «Не хотелось бы, чтобы Николая Михайловича воспринимали как забронзовевшего, похожего на памятник. Молодые ведь все тогда были, весёлые, шумные, и покуролесить были не прочь... И Рубцов, хотя и постарше нас был, тоже порой мог удивить преподавателей. Как-то съехались на очередную сессию, и вдруг ректор института, Пименов, обнаружил: в коридоре исчезли портреты классиков. В чём дело? Сразу – в учебную часть: “Рубцов прибыл? В какой комнате поселился?” Пошёл туда и убедился в своей прозорливости: студент Рубцов «в обществе» классиков отмечал начало сессии. Что сказал ректор – о том история умалчивает, но будучи человеком мудрым, он понимал, каким огромным талантом наделён его ученик, поэтому “репрессий” устраивать не стал, но вернуть портреты на место заставил. Вот таким он был, Рубцов, – самым обычным человеком и уникальным поэтом», – улыбаясь, закончил Алюшин. А я подумала: не об этом ли случае вспоминал Рубцов, когда писал строки:

И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова,
За это верить перестану
В того же самого Рубцова,
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

Редакция программы «Солдат России». Слева направо: корреспондент Людмила Бобкина, редактор Виктор Алюшин, ведущая Ирина Кондратенко. 1990-е годы

Смело сказано, но, наверное, поэт имел на это право, которое ему давал его необыкновенный дар.

Но вернёмся к Алюшину. Параллели в его стихах с Рубцовым несомненны, но это ни в коем случае не стремление подражать. Этого Виктор Георгиевич не терпел, всегда говорил: «Ни одна копия не станет лучше оригинала. Вот и стремись выражать свои мысли и чувства так, как можешь это делать только ты». Другой вопрос, что душами они с Рубцовым были «на одной волне». Так получалось, что и в жизни у них многое складывалось похоже: неумение чего-то требовать и пробовать, множество друзей и ещё больше тех, кто только казались ими, и – увьи! – непростые отношения с алкоголем... Скольким же талантливым людям на Руси эта зараза отравила жизнь! Да и в работе непросто складываются отношения с людьми талантливыми, они ведь «не от мира сего». Меня, педантичную по натуре, доводили до иступления моменты, когда он что-то забывал, затягивал со сдачей в эфир папки с текстом передачи (а в студии уже ждёт звукооператор!). Порою накал страстей был таков, что коллеги готовы были поливать нас водой из графина. Но потом «буря стихала», и за стихи я готова была простить «Верховному» всё, даже его необязательность. Понимала: может, не успевал, потому что именно сейчас рождаются новые стихи. А перед оператором придётся извиниться и постараться записать программу поскорее и без запинок.

Нет пророка в своём Отечестве – не помню, кто это сказал, но отмечено верно¹. В полной мере это относится и к Алюшину. Убеждена: его творчество ещё ждёт достойной оценки. Дай Бог, вернутся времена, когда души людей, устав от прагматичности нашего века, вновь потянутся к прекрасному, в том числе к поэзии. А пока...

А пока существуют три тоненьких сборника... Почему-то и местные композиторы написали совсем немного песен на стихи Алюшина, а ведь они так музыкальны! Зато его стихи заинтересовали композитора из

Петербурга, заслуженного деятеля искусств, руководителя хора Нахимовского училища Маргариту Анатольевну Кочетову. Наш отдел писем областного радио познакомился с ней с лёгкой руки одного из радиослушателей, который, услышав по «Радио России» передачу о хоре и его руководителе, написавшей песню «Дальний Восток» на стихи В. Высоцкого, пришёл в редакцию и попросил поближе познакомиться с творчеством этой удивительной женщины. Мы списались с Петербургом, так завязалась дружба, которая продолжалась до смерти Маргариты Анатольевны. Как-то в одном из писем она попросила прислать стихи местных авторов: «Хочу подарить амурчанам песню на стихи их земляка». Я отправила ей целую подборку стихов, и она сразу же выделила именно Алюшина. Виктор Георгиевич по её просьбе доработал текст, сочинив припев, и вскоре мы получили диск с песней, которую исполнил солист Петербургской филармонии, в прошлом солист Театра музыкальной комедии Магадана, Виктор Бабенко. Он не раз бывал в нашем городе на гастролях, поэтому вместе с композитором вложил в песню всю душу. Наша редакция предложила эту запись на конкурс гимна Благовещенска, который проводился накануне 150-летнего юбилея города. Конечно, мечталось о победе в конкурсе, но жюри признало лучшим другое произведение. Тем не менее в эфире подаренная амурчанам красивая, мощная песня прозвучала. Какова дальнейшая судьба этого музыкального подарка благовещенцам, мне неизвестно.

Вот с такими чувствами и мыслями прочитала я альманах «Амур» за 2011 год. Спасибо авторам, редколлегии за интересный выпуск, за встречу с нашим «Верховным» на страницах издания. Навсегда в сердце остались его строки, ставшие завещанием:

Я не пишу сатиру «с перцем»,
Моя поэзия тиха.
И вы прошупывайте сердцем
Стихию моего стиха.

рул.
кол.
80 Цена 20

¹ Данное изречение пришло из Библии, сложилось на основе евангельского стиха: «...Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 57). – *Примеч. ред.*